

УГОЛОВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ДОМАШНЕМУ НАСИЛИЮ

Елена Анатольевна Пащенко¹, Артур Грачинович Сарибекян²

^{1, 2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Елена Анатольевна Пащенко, pashenkoea@mail.ru

Аннотация. Авторами рассмотрены причины насильственных преступлений и их соотношение с уголовно-правовым регулированием, установленным законом. Выводы, которые предложены в работе, сведены к недостаточности криминализации побоев в Российской Федерации с учетом сложившейся социальной и исторической детерминанты насилия. Также обращено внимание на нарушение конституционных установок, выявленных Конституционным Судом РФ в части несоразмерности уголовно-правовой защиты личности от насилия, совершенного лицом, судимым за аналогичное по объективным признакам преступление, и лицом, подвергнутым административному наказанию за побои.

Ключевые слова: насилие, потерпевший, причины насильственного поведения, криминализация, декриминализация, социальный конфликт

Для цитирования: Пащенко Е. А., Сарибекян А. Г. Уголовно-политическая вариабельность в противодействии домашнему насилию // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 162–167. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-162-167>.

Problems of Criminal Law

Original article

CRIMINAL-POLITICAL VARIABILITY IN COUNTERING DOMESTIC VIOLENCE

Elena A. Pashenko¹, Artur G. Saribekyan²

^{1, 2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Elena A. Pashenko, pashenkoea@mail.ru

Abstract. The authors consider the causes of violent crimes in relation to the criminal-legal response established by law. The conclusions proposed in the work are reduced to the lack of criminalization of beatings in the Russian Federation, taking into account the existing social and historical determinants of violence. Attention is also drawn to the violation of the constitutional principles identified by the Constitutional Court of the Russian Federation in terms of the disproportionality of the criminal-legal protection of an individual from violence committed by a person convicted of a crime similar to objective criteria and by a person subjected to administrative punishment for beatings.

Keywords: violence, victim, causes of violent behavior, criminalization, decriminalization, social conflict

For citation: Pashenko E. A., Saribekyan A. G. Criminal-Political Variability in Countering Domestic Violence. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2021;(3):162–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-162-167>.

Рассмотрим генезис насильственного поведения. Он традиционно делился на генезис малых и больших групп, для которых традиции, обычаи, установки, морально-нравственные и социально-политические ориентации являются поведенческими истоками. Рассмотрение насилия, как типа поведения, происходит через оценку детерминирующих факторов. Такая оценка включает анализ приобретенных человеком в процессе его индивидуального созревания тех характеристик, которые в дальнейшем могут быть причиной насильственных реакций. У каждого индивидуума есть личный социальный опыт, накопление которого является «строительным материалом» и образцом поведения, который человек будет в дальнейшем реализовывать в собственных социальных связях.

Формирование личности происходит в микро и макро среде. Микросреда состоит из семейно-бытового окружения с такими образцами социального поведения, которое человек принимает и воспринимает как эталонное, не зависимо от того, являются ли они социально-позитивными или негативными, и переносит в качестве модели поведения в свою жизнь. Таким образом, поведение человека является результатом восприятия поведенческих реакций других людей как собственной модели поведения. Модель внутрисемейных отношений трансформируется на взаимоотношения личные.

Допустимость домашнего насилия не только для Российской Федерации, но и для многих других государств является исторически свойственной на уровне норм и традиций. Различным культурам, субкультурам свойственна позвольтельность взаимоотношений с применением физического насилия. Продуцирование насильственных стереотипов, как правило, начинается с визуализации взаимоотношений в семье, где право на насилие «передается по наследству». Такой формат семейных отношений выступает главной проблемой и характеризует в дальнейшем заимствование сценария насильственных способов разрешения любого социального конфликта или допустимости физической агрессии для человека. Индивидуальный уровень детерминации насильственных конфликтов сводится, как правило, к наличию проблем в виде утраты социальных авторитетов, социального отчуждения личности, дефицита внимания и положения отверженного.

Социально-психологические процессы и явления, которые связаны с социальными конфликтами, всегда выделяют человека как единицу, члена какой-то структурной группы с наличием личных социально-психологических проблем. Готовность лица к применению насилия находится в зависимости от уровня концентрации его личных экономических, финансовых, социальных проблем в настоящий момент.

Степень воздействия провоцирующих факторов, конфликтогенность среды обитания и психологический дискомфорт выступают существенными причинами, характеризующими уровень готовности к насильственным преступлениям. Оспаривать невозможно - ведущими криминологами давно выявлена связь фрустрирующих факторов в биографиях насильственных преступников, их прошлые конфликты, ситуации, накапливающиеся личностью, особенно с детского возраста. Такие факторы выступают самыми мощными причинами к совершению насильственных преступлений. Индивидуальная готовность к насилию определяется установками, нормами поведения, в которых формировалась личность и выработывались устойчивые психоэмоциональные связи.

Нельзя не отметить и детерминирующие факторы на более широком социальном уровне. Зачастую они представлены в виде обычаев или традиций, которые

распространяются в национальных, этнических, религиозных культурах и субкультурах. Традиционные представления о допустимом или даже ожидаемом насилии связаны, зачастую, с ответной реакцией на причиненное психическое насилие.

Под психическим насилием мы здесь понимаем форму воздействия абьюзеров, тяжкие оскорбления или оскорбления, недопустимые в узкой рамочной субкультуре. В ряде культур существование кровной мести, обиды, смываемой только кровью, предполагает доказательство зрелости, мужественности и даже социальной адекватности. Трудно, без сомнения, привести подобную иллюстрацию, но есть соблазн вспомнить дуэль Пушкина. Другого выхода, кроме насильственного конфликтного ответа на оскорбление женщины не предложил нам даже гений. Хотя история и уровневые показатели культуры никоим образом не позволили сомневаться в том, что достаточность словесного аргумента была бы убедительней. Объяснение находится в обычаях и традициях того времени. В истории нас сопровождают примеры, когда насилие воплощается как необходимая культуральная черта и как единственно возможный способ реагирования на конфликт.

Общество привыкло к тому, что ему насаждают понятие допустимого и не допустимого, справедливого и не справедливого насилия. Но стереотипы массового сознания таковы, если насилие принимается общественной моралью, оно будет находить свое оправдание у каждого индивидуума, не зависимо от уровня внутреннего конфликта.

Насилие для отдельных субкультур характерным атрибутом являлось всегда. Но такие субкультуры имеют, как правило, ограниченные территориальные или социальные локации. Речь идет, конечно, о тюремной субкультуре и о субкультурах закрытых групп. В таких группах насилие сопровождает вхождение в это социальное образование как условие доказательства своей физической или психической готовности находиться в этой группе. К сожалению, такие примеры мы видим не только в исправительных учреждениях, но и в Вооружённых силах Российской Федерации, в закрытых образовательных учреждениях и в тех сообществах, в которых имеются ограничения для свободы выбора, свободы совести, свободы передвижения и перемещения.

В таких группах переломить или изменить ситуацию в сторону отказа от насилия бывает практически невозможно, поскольку человек, претерпевший насилие при вхождении в данную группу, должен обладать чрезвычайно высокими человеческими качествами, которые после того, как у него появится право на ответное насилие в отношении новичков, добровольно откажется от его применения. В редких случаях такие ситуации встречаются. Высокая внутренняя организация отдельной личности позволяет ей добровольно отказаться и абстрагироваться от индивидуального насилия как способа компенсации ранее пережитого оскорбления, унижения или такого же акта физического насилия. Индивидуальные источники стереотипного насильственного поведения – это конфликты конкретной личности с социальным окружением.

Насильственная модель поведения может выступать как результат личной практики, как результат опыта, через который прошел человек, и может быть примером закрепления повторяющихся поведенческих реакций. Многие преступники, в прошлом неоднократно допускающие насильственные действия в отношении своих жертв, «повышают градус» общественной опасности применяемого насилия. От менее опасного насилия виновные в дальнейшем прибегали

к причинению тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшего. Усвоенная модель поведения в детстве будет характерна для насильника в более зрелом возрасте. Таким образом, очевидно, что в формировании и непосредственном продуцировании насильственного агрессивного поведения принимают участие социально-психологические факторы, которые имеют разные уровни социальных связей.

В наибольшей мере стереотипы насильственного поведения продуцируются в тоталитарных государствах, в обществах с диктаторскими режимами. Они формируются благодаря нормам и принципам государственной идеологии, пресекающей инакомыслие, отклонения от предписанного стандарта. Официально насаждаемые герои и кумиры тоталитарных обществ в лучшем случае – люди, непримиримые к врагам идеологии и строя, а в худшем и наиболее распространенном – психопатизированные личности с уголовным прошлым [1, с. 44–45]. Источником насильственного поведения выступают внутренние нормы и стереотипы, имеющие различные детерминанты, но на индивидуальное насильственное поведение оказывают влияние стереотипы массового, группового и индивидуального сознания.

Авторами было проведено исследование материалов уголовных дел г. Ростова-на-Дону и вывод, который был сделан при изучении всего массива уголовных дел о совершении насильственных преступлений, не был неожиданным. Он был закономерным в связи с тем, что нам удалось сопоставить как криминологическую аргументацию причин насильственного поведения и развития агрессии личности, так и материалы конкретных правоприменительных актов. В 90 % случаев причинения смерти или тяжкого вреда здоровью во внутрисемейных бытовых конфликтах жертва ранее подвергалась физическому насилию. В некоторых случаях свидетели сообщали о стабильно неблагоприятных, негативных отношениях с применением физического насилия – от побоев до легкого вреда здоровью, и применении психического насилия в виде регулярных угроз и оскорблений. Как правило, эскалация любого бытового конфликта – это нарушение межличностного восприятия и допускаемые тяжкие оскорбления.

Социально-психологические элементы, являющиеся детерминантами насильственной преступности, работают всегда в совокупности и преступления совершаются как результат взаимодействия большей части элементов. Проблемные же ситуации способствуют совершению преступления, но не обязательно его определяют. Микросреда, в которой сформировался человек, допустимость насилия или полный отказ от него в той семье, в которой человек рос, будет являться толчковым механизмом. Поэтому разговор о декриминализации ст. 116 Уголовного закона был очень рано начат законодателем, когда в обществе не было никакой готовности к отказу от уголовно-правового реагирования.

Обосновывая юридическую природу уголовно-правового запрета в виде побоев, мы, конечно, затрагиваем нравственные основы недопустимости физического насилия. Побой, изначально имея двойную превенцию, предостерегали от размышлений об уровне допустимого или недопустимого физического насилия в отношении потерпевшего. Стоит отметить, что ответственность за нарушение физической неприкосновенности в уголовном законе выступала барьером усугубления конфликта для лиц, рассматривающих физическое воздействие как субъективное право.

Как же реагирует законодатель на распространенность домашнего бытового насилия и какие устанавливает превентивные ограничения? Состав преступления 116 УК РФ (в редакции до 03.07.2016)¹ не устанавливал никаких ограничений в применении нормы, не предусмотрены были ни специальные мотивы, ни объективные условия.

Федеральным законом от 03.07.2016 N 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»² был начат процесс декриминализации побоев. В норме сохранились правовые последствия для совершивших побои в отношении близких лиц, побои, совершенные из хулиганских или экстремистских побуждений. Дальнейший путь декриминализации нормы сохранил наказуемость побоев, совершенных только при наличии хулиганских или экстремистских мотивов в действиях виновного (редакция статьи 116 УК РФ от 07.02.2017 N 8-ФЗ³).

Какие новации в уголовном законодательстве и какие толковательные позиции имеют место сегодня в свете систематической критики? 8 апреля 2021 года Конституционный Суд Российской Федерации принял постановление №11-П по делу о проверке конституционности статьи 116.1 УК Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой. Конституционный Суд РФ норму ст. 116.1 уголовного закона признал неконституционной. Причины такой оценки статьи Уголовного закона заключаются в недостаточности криминализации насилия, совершенного лицом, имеющим судимость за аналогичное преступление. Статья ставит таких лиц, имеющих судимость за ранее совершенные побои в привилегированное положение по отношению к лицам, подвергнутым административному наказанию. Это нарушает принцип равенства и справедливости и снижает уровень защиты пострадавших. Повторное насилие говорит о недостаточности наказания по КоАП для судимого лица. Разделяя ответственность за побои в зависимости от их совершения впервые или повторно, законодатель не должен был игнорировать состояние предшествующей судимости.

Критика современного состояния законодательной регламентации за примененное насилие сводится к его недостаточности и нарушению равенства правовых последствий для лиц, понесших уголовное и административное наказание. Для одной правовой нормы многократно критики и последствий. Ждем реагирования законодателя.

¹ "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ // "Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, N 25, ст. 2954, "Российская газета", N 113, 18.06.1996, N 114, 19.06.1996, N 115, 20.06.1996, N 118, 25.06.1996.

² Федеральный закон от 03.07.2016 N 323-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" // "Собрание законодательства РФ", 04.07.2016, N 27 (часть II), ст. 4256, "Российская газета", N 149, 08.07.2016

³ Федеральный закон от 07.02.2017 N 8-ФЗ "О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации" // "Российская газета", N 30, 10.02.2017, "Собрание законодательства РФ", 13.02.2017, N 7, ст. 1027

Список источников

1. Насильственная преступность / Под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. М.: Издательство «Спарк», 1997. 139 с.

References

1. Kudryavtsev V. N., Naumov A. V. (eds). *Violent Crime*. Moscow: Publishing house "Spark"; 1997. 139 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. А. Пащенко – канд. юрид. наук, доц. кафедры уголовно-правовых дисциплин;
А.Г. Сарибекян – асп. кафедры уголовно-правовых дисциплин.

Information about the authors

E. A. Pashenko – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines,
A. G. Saribekyan – Graduate Student, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; одобрена после рецензирования 29.08.2021; принята к публикации 25.07.2021.

The article was submitted 09.08.2021; approved after reviewing 29.08.2021; accepted for publication 25.07.2021.